



ББК 87.63
УДК 130.12

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ НА ОТНОШЕНИЕ К ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

Климова Александра Валериановна

Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и права
Днепродзержинского государственного технического университета
klim_alex@ukr.net
ул. Днепропетровская, 2, 51918 г. Днепродзержинск, Днепропетровская обл., Украина

Аннотация. В статье рассматривается влияние социальных изменений на отношение к духовной культурной традиции, которое находит проявление в мировоззрении, национальных отношениях, общественном сознании в целом. Теоретическое изучение этих процессов имеет практическое значение для развития духовной культуры и определения идентичности в изменяющихся социальных условиях.

Ключевые слова: традиция, культурная традиция, духовная жизнь общества, идентичность, изменяющиеся социальные условия.

Для современного человека, погруженного в море информации, при быстрых перемещениях в пространстве и возрастающих возможностях изменения социокультурной среды становится актуальным более пристальное внимание к культурной традиции. К ней обращаются как к истоку или истокам, от которых можно начать движение к ответу на вопросы, возникающие в наше время. При этом не исключены попытки найти в структуре культурной традиции элемент, центральное звено, определяющее и подчиняющее себе другие элементы. Но ее структура на протяжении истории меняется, а элементы в плане подчинения одних другим подвижны.

Любое обращение к традиции или традициям непроизвольно настраивает на обращение к истории. Духовная жизнь общества имеет материальную основу, коренящуюся в производственных отношениях. Связь с этой основой не является жесткой и однозначной. Как известно, существует диалектическая взаимосвязь и взаимовлияние между общественным сознанием и общественным бытием. Общественное сознание не просто отражает общественное бытие, но

активно осмысливает его, оказывает активное обратное воздействие на его изменения. При этом оно не теряет связи со своими предшествующими формами и традициями их развития, опирается на них. Духовные явления потому и значимы для общества, что оказывают влияние на все происходящие в нем процессы с концентрированной энергией духовной жизни всей предшествующей истории. Традиции здесь принадлежит такая большая роль, этот феномен столь масштабен, что есть попытки почти отождествления ее с культурой. Через традицию происходят многочисленные соприкосновения настоящего с прошлым. Е. Шацкий приводит примеры расширенного понимания традиции, но вместе с тем не очерчивает его какими-либо ограничениями: «...Каждое явление, имевшее место в прошлом... может при определенных условиях быть признано традицией... Все прошлое – потенциальная традиция» [10, с. 213]. Возможно, эта неопределенность границ позволяет иногда тем, кто заинтересован в отстаивании своих идей или форм культуры, «перешагивать» через особенности других форм духовной культуры и даже размывать границы между ними.

Так происходит, например, когда апологеты религии, признающие только религиозную традицию, все другие явления духовной жизни так или иначе подгоняют под религиозное видение мира, даже традицию атеизма и атеистов, идентифицируя их с религией, верой и верующими. Как правило, делается это неглубоко, игнорируется философская традиция уточнения понятий, расставляются неправильные акценты при определении значения тех или иных явлений. Так, есть слова, которые употребляются и в религиозном смысле, и в смысле, не имеющем религиозного характера, которым в светской культуре не придается религиозного значения. Религиозные апологеты в таких случаях пытаются «уличить» светскую культуру в религиозности. И наоборот, традиционно философским понятиям они часто придают чисто религиозное значение. Цель такой интерпретации – запутать соотношение тех или иных понятий с религиозными или светскими традициями в практическом отношении к миру, создать впечатление, что общество всем обязано религии, привести всех, независимо от мировоззрения, к идентификации с религиозной традицией.

Если обществу в силу информационных, политических, идеологических или иных обстоятельств навязываются представления лишь об одной культурной традиции и почти никаких сведений публично не появляется о других традициях, то это, в конце концов, делает свое дело, может изменить духовные ориентации большого количества людей. Так, тот факт, что значение веры в жизни людей не вызывает сомнения, часто сопровождается ее сужением до религиозной веры, переносится с нерелигиозной веры (в данном случае ее существование игнорируется) на религиозную. Ни у кого не вызывает сомнения свойство веры быть стимулом к поискам и открытиям исследователей и первооткрывателей; источником и гарантом ценностей, необходимых для прогрессивного движения человечества вперед; условием человеческого сотрудничества; средством снятия напряжения, страхов, беспокойств; фактором духовной целостности личности (см.: [4, с. 154–155]). Но факты, подтверждающие ценность веры вообще, в результате отождествления религиозной и нерелигиозной веры превращаются в досто-

инства религиозной. Богословы часто заявляют, что все люди верующие, только могут не признаваться в этом или даже не знать этого. Так они, например, объясняют, почему неверующие и атеисты могут быть людьми нравственными. Их усилия не проходят даром. Люди действительно часто идентифицируют себя с общностью верующих в силу полного отсутствия каких-либо теоретических знаний об особенностях общественного сознания, а значит, доверяя словам апологетов соответствующих религий, ставших авторитетными в наше время.

Так, А. Мень относил все высокие чувства, возникавшие у людей в разных исторических условиях и по разным поводам, – к религиозным, а высокую степень уверенности в чем-либо – к религиозной вере. Здесь не стоит вопрос о различии между религиозной и нерелигиозной верой. Любую апелляцию к «сознанию», «идеям», «вере» он квалифицировал как религиозное отношение, приписывая его даже материалистам. В служении русской интеллигенции народу он также усматривал религиозные черты. И, наконец, чувство «неистребимой потребности людей связывать свою жизнь с чем-то высшим и священным» [3, с. 16–17] он тоже считал религиозным. То есть все нравственное, осмысленное, подлинно человеческое апологеты религии отождествляют с якобы изгнанной из сознания мыслью о Боге. Натянута выглядит, когда у воинствующего атеиста Гольбаха ищут признаки религиозности, а явления свободомыслия в истории называют «симптомом духовного оскудения и кризиса» [там же, с. 17]. А. Мень, как и многие другие наши современники, продолжал в этом традицию русских религиозных философов, заложенную в конце XIX – начале XX века.

Усиление или ослабление тех или иных культурных традиций в изменяющихся социальных условиях имеет не только свои причины, но и последствия. В частности, это приводит к изменению в осознании людьми их собственной идентичности. Но этот процесс часто оказывается запутанным в зависимости от того, кто заинтересован в изменении уже сложившейся определенным образом идентичности. Так, рассмотренные примеры показывают, как проблема религиозной идентич-

ности смешивается с идеологическими задачами апологетики религии. Такой подход может, с одной стороны, вызвать недоверие к религии и ее апологетам, с другой – нанести вред светской культуре. Религиозная и светская идентичность устанавливается по разным критериям и не должна приводить к предвзятости и недружелюбному отношению между их носителями.

Разница есть не только между светской и религиозной культурной традицией, но и между религиозной и церковной традицией, что может вызывать идейные разногласия у людей, исповедующих одну и ту же религию. Так, сложным оказался процесс самоидентификации у русских религиозных философов начала XX века. Идентифицируя себя с религиозной традицией, они относились к ней иначе, чем церковь. Так, С.Л. Франк писал: «При всем почтении к религиозной традиции, я думаю, что философия, как дело свободной мысли, не должна боязливо оглядываться на церковное начальство и предание... Более того, – ...философия, которая была бы одновременно догматическим богословием (философия в рамках катехизиса), есть дело абсолютно невозможное» [9, с. 587]. И это не удивительно. Ведь философия в своем развитии всегда имела свои традиции, даже если «материал для рефлексии “поставлялся” религиозными и мистическими интенциями сознания» [5, с. 23]. Украинский исследователь традиций западноевропейской философии профессор В.И. Пронякин отмечает: «...Существование теологии, не подпадающей под воздействие церковного авторитета и авторитета Откровения, обеспечивается возможностью существования философской теологии, использующей свой собственный когнитивно-интенциональный инструментарий» [там же, с. 68].

Видение социальных проблем общества русскими религиозными мыслителями отличалось от видения революционной интеллигенции и церковных представителей. Отсюда отрицательная реакция на их взгляды и тех, и других. В примечаниях к работе С.Л. Франка «Этика нигилизма» Ю.П. Сенокосов пишет: «...Выступая за религиозно-духовный путь обновления общества, они брали на себя фактически ту ответственность, которой была обложена церковь и наделен монарх, и основы

которой уже были подорваны идущими объективными процессами секуляризации, разделения труда, развития политической жизни в стране и т. д. Поэтому нет ничего удивительного в том, что их программа была воспринята резко критически, как призыв к сохранению самодержавной системы власти» [6, с. 572]. Этот пример показывает, что идентификация может быть затруднена в условиях быстрых революционных изменений, в которых ищут свою идентичность все политические силы.

Проблема социокультурной идентичности в изменяющихся социальных условиях может стоять перед отдельными людьми, группами людей, социальными институтами, государством. При этом приверженность традиции защищается, в первую очередь, традиционными институтами. Но есть институт, который и в наше время может опираться только на традицию прошлого, – это церковь. В идеологическом обосновании своего существования и деятельности, в стремлении к социокультурной идентификации общества с религией она всецело зависит от религиозной традиции. Все остальные институты с культурной традицией связаны лишь через преемственность с предшествующей историей. Она оказывает значительное влияние на их идентичность, но главными для них являются современные связи и отношения. Религиозная же традиция не связана напрямую с современными светскими институтами. Поэтому так обращают на себя внимание как особые обращения некоторых политических партий к верующим или тем более к верующим какой-либо определенной конфессии вместо обращения ко всем избирателям независимо от их религиозной принадлежности, так и стремление религиозных организаций к расширению ареала своей деятельности за рамки религиозных институтов.

От диалектики развития общественных процессов зависит, какие именно культурные традиции возобладают в обществе. Сейчас в условиях социальных трансформаций и под их воздействием существенно возросло обращение к религиозной культурной традиции, что уже отражается на изменении соотношения светской и религиозной культурной традиции в обществе. Так, спад в производ-

ственной сфере ведет к снижению темпов развития науки. Если наука теряет прежний авторитет, то она начинает тесниться другими формами культуры, что сразу же отражается и на мировоззрении людей в обществе. Не все элементы из культуры прошлого соответствуют современному развитию. И наоборот, действительно ценное в прошлом может оказаться незамеченным современными людьми, которые обращаются к прошлому с изменившимися представлениями о ценностях, соответствующими сегодняшним планам, интересам. Кроме того, эти ценности, как правило, неоднородны у разных людей или социальных групп.

В условиях многонациональности государства в наше время много внимания уделяется национальным культурным традициям. Национальное самосознание является важным фактором в развитии современного общества. Оно связано с осознанием нацией своего положения в обществе в целом. Подлинное самосознание нации должно отражать реальные обстоятельства ее жизни, характер и уровень развития экономики, духовной жизни. В противном случае оно может оказаться подмененным дутым самомнением, не только затемняющим и искажающим прошлое и настоящее нации, но и отрицательно влияющим на ее будущее. Искаженное представление о действительности ведет к отсутствию более или менее четких планов на будущее, не обеспечивает присущей человеку потребности в осмысленной, целеполагающей деятельности, порождает неуверенность в завтрашнем дне.

Изучая историю и культуру своего народа, гордясь ее отдельными достижениями, нельзя упускать из виду, что современное общество стоит на более высокой ступени развития и не все, имевшее место в истории, например, из обычаев и традиций, может быть ему полезным. Это понимали многие выдающиеся исторические личности. Те, кто проводил реформы в истории России (например, М.В. Ломоносов в литературе, Петр I в социальной жизни), преодолевали застойные традиционные элементы народной и национальной жизни. Они делали это для процветания своего народа, для его будущего развития и просвещения. В.Г. Белинский считал, что эле-

менты прошлой жизни народа в результате их изменения могут становиться даже чуждыми ему: «В отношении не только к образованнейшей части русского общества, но и всего народа русского, теперь сделались чистою риторикою все понятия, определения и слова допетровского русского быта... То же самое благодаря Ломоносову совершилось и в литературном мире: все подделки под народность теперь отзываются простонародностью...» [1, с. 646–647]. И далее: «Тогда спасение наше зависело не от народности, а от европеизма; ради нашего спасения тогда необходимо было... задержать на время ее ход и развитие, чтобы привить к ее почве новые элементы» [там же, с. 648]. В.Г. Белинский назвал ложным взгляд на реформу Петра I, который «будто бы уничтожил русскую народность. Это мнение тех, которые народность видят в обычаях и предрассудках, не понимая, что в них действительно отражается народность, но что они одни отнюдь еще не составляют народности» [там же, с. 659]. Кто прочно стоит на позициях старого, тот ничего не способен изменить. П.Н. Ткачев писал в 1876 г.: «...Общественный идеал нашего народа не идет дальше окаменелых форм его быта. Дальше своей веками освященной, обычной формы землевладения, ...чинопочитания, пассивного подчинения лица миру, дальше своих традиционных семейных отношений и т. п. он ничего не видит, ничего не знает и знать не хочет. Предоставьте ему устроить свою жизнь по его собственной воле, и... он не внесет в нее ничего нового...» [7, с. 165].

Стремление к возрождению и развитию культуры через возрождение национальной культуры часто связано с механическим пониманием самобытности национальной культуры без учета исторических изменений и возникновения новых ценностей, новаций. Между тем элементы, заимствованные из других культур, со временем перерождаются в национальные. В творческом восприятии других культур – прогрессивное развитие собственной.

В этом отношении следует учитывать и сложные взаимоотношения между народами, которые исторически были так или иначе связаны между собой. Такая постоянно переплетающаяся взаимосвязь существует между украинским и русским наро-

дами. На нее указывали многие исследователи в прошлом (в частности, целую дискуссию породила статья Н. Трубецкого «К украинской проблеме» [8]), ждет она своих исследователей и в настоящем.

С формированием нации, принципиально нового образования по сравнению с народностью, национальностью, историческая ситуация изменилась. Теперь человек принадлежит и к национальности, и к нации, и к человечеству, что усложняет его бытие, делает его многокачественным. Это не просто количественное увеличение социальных ролей. Поэтому и отношение к национальной культуре и традициям тоже усложняется, содержит в себе потенции культурного и социально-экономического развития. Формирование и развитие общности экономической жизни было неразрывно связано как с развитием духовной культуры в целом, так и ее элемента — науки, рационального познания. На национальные традиции накладываются традиции нации, что не может не приниматься во внимание в современной национальной политике.

На протяжении многих поколений в нашем обществе провозглашалась традиция интернационализма. Она органично вошла в жизнь разных народов в виде дружбы, сотрудничества, взаимопомощи, межнациональных браков, творческих объединений и т. п. По сути, она отвечает общечеловеческим ценностям, поднимая самосознание человека любой национальности до осознания своих неограниченных возможностей в личностном и социальном развитии. Кроме того, интернациональная традиция отвечает действительной ситуации совместного проживания на одной территории людей многих национальностей. Понятна тревога современных исследователей, предостерегающих политиков от стремления к созданию национальных государств, справедливо отмечающих, что помимо национальной парадигмы есть и другие. «...В прошлые столетия в большинстве стран Европы, а в настоящее время во многих странах Азии она уступает религиозной парадигме... Национальная (этническая) парадигма нередко уступала и уступает государственной... Есть и особая личностная парадигма, в которой на первый план выдвигается неповторимая индивидуальность каждого человека...; именно

она считается главной в демократическом обществе и утверждена ООН известной Декларацией прав человека» [2, с. 45–46].

В развитии национальной культуры велика роль традиций. Эти традиции можно разделить, во-первых, на те, которые были присущи данному этносу в достаточно отдаленном прошлом, и те, которые присущи поколениям, ныне живущим. Во-вторых, на совсем отжившие или отживающие (которые не соответствуют современным условиям, а стали достоянием истории, знакомство с ними необходимо лишь для ее лучшего понимания) и прогрессивные, которые и в современных условиях могут способствовать успешному развитию культуры. Здесь всегда нужен конкретный анализ как традиций самих по себе, их содержания, роли в разные исторические периоды, так и того, какую именно роль они могли бы сыграть сейчас. Современные традиции могут иметь свои корни и в далеком прошлом, и в недавнем. Они тоже нуждаются в конкретном анализе, и те традиции, которые отвечают современным условиям развития, должны быть сохранены и развиты.

Культура нации включает в себя не только и не столько этнические элементы основной национальности, сколько ее более поздние элементы, и главными в ней являются те, которые определяют современное социальное и экономическое состояние нации.

Понятие «национальная культура» тоже порождает много вопросов, начиная от его сущности и содержания и кончая проблемой места национальной культуры в современном государстве, многонациональном по своему составу. Могут ли быть отдельные феномены культуры национальными и в какой мере? Г.Г. Шпет писал в отношении философии и науки: «Философия приобретает национальный характер не в ответах — научный ответ, действительно, для всех народов и языков один, — а в самой постановке вопросов, в подборе их, в частных модификациях. ...Самое решение научных вопросов — все равно, философских, математических или кристаллографических — по национальным вкусам, склонностям и настроениям ничего именно научного в себе не сохраняло бы» [11, с. 84]. Кроме того, необходимо учитывать, что достижения, которые имеет нация в лице отдельных мыслителей,

во время их жизни не были достоянием широких масс и обусловлены главным образом уровнем образования этих персоналий, а следовательно, более широкими возможностями в творческой области. Не всегда их творчество было связано с отражением культурных проблем своего этноса, а подход к последним, как правило, учитывал достижения мировой культуры.

Возрождение и развитие разнообразных культурных традиций не должно приводить к дисгармонии в развитии общества. Попытка выделения в современной культуре чисто национальных черт часто выглядит вымученно и надуманно в силу того, что она создавалась при взаимоотношении народов разных национальностей и наций. Культура в целом от этого скорее проигрывает, чем выигрывает. Поддержка национальных традиций плодотворна, когда она не препятствует межнациональному общению, усвоению культуры других народов, адекватному восприятию общечеловеческих ценностей, решению глобальных проблем человечества. Только обогащая себя всеми достижениями культуры в целом, современные нации могут возвысить свои народы до такого уровня достижений материальной и духовной культуры, что их национальное достоинство станет явным и несомненным для всех. Взаимоотношения разных национальностей и наций стали прогрессивной традицией современной культуры, способствующей нормальному формированию и гармоничному развитию личности.

Культурная традиция принадлежит своему социокультурному миру, поэтому с ней нельзя обращаться произвольно, иначе может нарушиться существующий социокультурный порядок. Интересным и актуальным для исследования является вопрос: может ли представитель (или представители) одного социокультурного мира соблюдать традиции другого, а также какое значение это может иметь для представителей различных социокультурных миров?

Обращение к духовному наследию имеет большое значение для решения проблемы идентичности, особенно если рассматривать эту проблему в широком масштабе. Так, профессор философии из Берлина М. Бур рассматривает проблему процесса европейского объединения как духовную проблему, как необходимость вос-

становить культурные традиции, которые так или иначе будут сказываться на дальнейшей судьбе Европы, представить многообразное духовное наследие, которое будет либо сохранено, либо безвозмездно утеряно в следующем тысячелетии. Именно в духовном наследии содержится более глубокий источник идентичности, нежели национально-этнический: обращение к духовным основаниям позволяет подняться над национально-территориальными конфликтами, но в то же время оно позволяет сохранить уважение к ментальным различиям, представленным в особенностях развития различных национальных культур [12, S. 15–18]. Такая постановка вопроса связана с поиском «второй» или «двойной» идентичности. Данный подход представляется плодотворным путем к преодолению любой враждебности или даже взгляда на другую культуру, страну, народ как на чужие.

В современном мире происходит активная миграция населения из одной страны в другую. Многие наши сограждане обрели постоянное место жительства в других странах. Проблема идентичности перед ними стоит особенно остро. И если бы у человека была одна идентичность на всю жизнь, эту проблему решить было бы невозможно. Человек, уехавший в другую страну, не теряет своей ментальности и идентичности, основанных на языке, нравственных чувствах, особенностях своего социокультурного мира, словом, на определенной культурной традиции. Но одновременно он не может не воспринимать нового социокультурного мира, не адаптироваться к нему, не обрести в нем определенную идентичность. Благодаря тому, что современный мир во все большей мере становится интегрированным, это оказывается возможным, хотя и представляет собой определенные трудности. Это широкое поле деятельности для ученых. Такие исследования приобретают все большую актуальность и требуют определенной осторожности.

Выводы

Социальные изменения активно влияют на отношение к духовной культурной традиции, которая находит проявление в мировоззрении, национальных отношениях, индивидуальной и групповой идентичности, идеологии, общественном сознании в целом.

При благоприятных социальных изменениях культурная традиция может иметь большой творческий потенциал в различных ее проявлениях как фактор и механизм преемственности в духовной культуре и формировании личности.

Важно каждый раз исследовать и учитывать в конкретной практике общественного развития характер предпочтений в обществе в выборе той или иной культурной традиции и степень их прогрессивности, принимая во внимание материальные, социальные и духовные критерии прогресса, которые в целом должны быть связаны с увеличением свободы и творчества в обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белинский, В. Г. Взгляд на русскую литературу 1846 года / В. Г. Белинский // Собр. соч. В 3 т. Т. 3 / В. Г. Белинский. – М. : ОГИЗ, 1948. – С. 641–683.
2. Козлов, В. И. Национализм, национал-сепаратизм и русский вопрос / В. И. Козлов // Отечественная история. – 1993. – № 2. – С. 44–64.
3. Мень, А. Магизм и единобожие / А. Мень. – М. : Эксмо, 2004. – 704 с.
4. Попова, М. А. Критика психологической апологии религии / М. А. Попова. – М. : Мысль, 1973. – 261 с.
5. Пронякин, В. И. Западноевропейская метафизика: стоицизм, эволюционные трансформации, перспективы : монография / В. И. Пронякин. – Днепропетровск : Изд-во Днепропетр. нац. ун-та, 2006. – 360 с.
6. Сенокосов, Ю. П. Примечания к работе С. Л. Франка «Этика нигилизма» // Соч. / С. Л. Франк. – М. : Правда, 1990. – С. 570–574.
7. Ткачев, П. Н. Народ и революция // Соч. В 2 т. Т. 2 / П. Н. Ткачев. – М. : Мысль, 1976. – С. 163–170.
8. Трубецкой, Н. С. К украинской проблеме / Н. С. Трубецкой // Наследие Чингисхана. – М. : Эксмо, 2007. – С. 498–522.
9. Франк, С. Л. О невозможности философии. Письмо к другу. 13. VIII. 44 г. // Соч. / С. Л. Франк. – М. : Правда, 1990. – С. 587.
10. Шацкий, Е. Утопия и традиция / Е. Шацкий. – М. : Прогресс, 1990. – 456 с.
11. Шпет, Г. Г. Историзм и новая философия / Г. Г. Шпет // На переломе. Философия и мировоззрение. – М. : Политиздат, 1990. – С. 84–87.
12. Buhr, M. Vorbemerkung / M. Buhr // Das geistige Erbe Europas. – Napoli, 1994. – S. 15–18.

THE EFFECT OF SOCIAL CHANGES ON THE ATTITUDE TO SPIRITUAL CULTURAL TRADITION

Klimova Aleksandra Valerianovna

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor, Department of Philosophy and Law,
Dneprodzerzhinsk State Technical University
klim_alex@ukr.net
Dnepropetrovskaya St., 2, 51918 Dneprodzerzhinsk, Dnepropetrovsk Oblast, Ukraine

Abstract. The present article is concerned with the impact of social changes on the attitude to the mental cultural tradition, which is manifested in worldview, national relations, social consciousness in general. A theoretical study of these processes is of practical importance for the development of spiritual culture and determining the identity in changing social conditions.

Key words: tradition, cultural tradition, spiritual life of the society, identity, changing social conditions.